

ЗАПИСИ НА НОЧЬ

Борис Ихлов

ИНОСТРАНЕЦ ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ

Народ в зале ещё дослушивал последние слова наставления, а все выходы уже забила и напирала на служительниц Дворца культуры пионеров им. Владимира Ильича Ленина следующая толпа прихожан. Служительницы – тётеньки в синих халатах, чья фигура, походка, прочие жесты, выражение лица и смысл жизни выражались во фразе: «Вы по какому вопросу?» - не смогли сдержать толпу. Меня прижали к бортику ложи. «Коля, давай через сиденья! Товарищи, прыгайте, прыгайте, передадим ведь друг друга!». Коля ещё смущался, я шагнул через кресла. «Да разве так можно, молодой человек!» - сказала бабушка лет семидесяти и широко полезла через бортик.

Ещё несколько старушек попрыгали за ней через стулья. «Ишь ты, и костыли отбросила», - сказал дядя с банкой компота в руках. «Милочка, помоги» - попросила бабуля, пытаясь перебраться из партера в ложу. Я забился в угол рядом с ложей, Николай бросил чемодан рядом. Прочие наши орлы расселись на соседних рядах.

«Заезжая» команда Пантелеймона состояла из магнитофона, девушек с типично пермской походкой и выраженным коми-пермяцким акцентом, пары юнцов некоего Института, как сообщили, народной медицины и самого Пантелеймона. Тоже с коми-пермяцким акцентом.

В динамиках раздался голос девушки: «Пожалуйста, тише. Сейчас Пантелеймон опечатывает двери, чтобы ни один злой дух не вышел из помещения». Толпа оглянулась на двери и поняла, что бежать не дадут. «Проходы оставить открытыми, - вешали динамики, - потому что будут выносить людей». После предварительной обработки старушек вышел парень в костюме Шахерезады, с бубенчиками и в туфлях старика Хоттабыча.

«Верховный шаман Севера, - перечислила девушка с коми-пермяцким акцентом регалии парня, - лауреат конкурса шаманов в Германии! («Председатель Президиума Верховного Совета СССР, передовик производства...») - пронеслось в голове... Отмеченный призами в Норвегии, Румынии и Германии», - продолжала стращать публику девица. «Далась им эта Германия. Сейчас внесут портрет вождя...». И точно – «сотрудники» Института пошли по рядам с сумочками продавать фотографии Пантелеймона, заговорённые им газеты с Марией Стефанией, какую-то траву, мелкие предметы, опять же заговорённые. «Стоимость штуки 20 тысяч», - негромко сообщали сотрудники «Института». «Каждый день с 4 до 6 утра Пантелеймон заговаривает вещи», - проинформировала ведущая. «Ну да, товарпроизводство на потоке. Интересно, значит стоимость двух сеансов по два часа в зале ДК на 1000 мест не более 500 тыс. рублей, каждый обход «сотрудников» - ну, 5 проданных фотографий, 5 газет по 20 тыс., 5 – по 10 тыс., потом побегут покупать всякую траву... Итого чистая прибыль от «бесплатного» сеанса 500 тыс. руб. на 4-х, и налоги не платят», - похлопал меня по плечу орёл из наших, сидевший на ряду выше.

«Духи служат мне, я служу людям, - заявил без ложной скромности Пантелей. – Компоты, баночки с водой, «Кока-колу» ставь поближе. Заряжать будем в конце сеанса. Если кто захочет заряжать без меня, фотографию положить на горловину сосуда, поближе к воде».

Затем Пантелей перешёл к письмам трудящихся, пока подельники зарабатывали выручку. «Когда я обкурила травой комнату, мне послышался звон. Я подумала – почудилось. Но звон повторился. И вдруг шесть бокалов в шкафу, которые мне подарили, начали громко звенеть, всё громче и громче, и, наконец, все до одного разбились на мелкие осколки... Ну, что.. осколки надо собрать все до единого и сдать. Все порченные вещи исследуются в Специальном Институте. Конечно, перед этим они проходят через мои руки. Вот ещё письма... Чу... Чу... неразборчиво. А! Чует дым. Мда, мда... Нападает. Вы знаете, женщина, вот вы пишете, мол, в семье плохо, вы обкурили мужа, а он приходит пьяный, дерётся... это всё от слабости и боязни. Бойтесь вас, вот и нападает. И ждёт, что вы промолчите. А вы ему отвечайте! Спротивляйтесь!»

«Погоди, погоди, ты ведь только что, как махатма Ганди, всех звал к ненасилию, мол, ударил по левой – подставь правую... Помните, что злоба в ответ на злобу вызывает ярость – твои же слова!». Мои спекуляции прервала ведущая. «Сейчас Пантелеймон проведёт сеанс лечения болезней двигательной системы. Руки на колени! Повращали шей! Все, кто ощутил покалывание в пальцах, подняли руки!» Несколько человек, заочневшие от неподвижного сидения и непрерывного охмурения, подняли руки. Подумалось: «Как американские миссионеры. Христос есть! Поднимите руки вверх! Опустите. Христос есть! Руки вверх! Хайль! Строевая подготовка. Сейчас будем тренироваться говорить стандартные обращения». Ведущая прервала: «Повернитесь друг к другу лицом. Скажите: Слава Христу!». Все начали поворачиваться, однако слов я не услышал, очевидно все считали, что Бог должен слышать и мысленные обращения.

Вверху, на рампе, ярко горела единственная лампа, свет бил в глаза, заставлял смотреть в точку. В динамиках раздавалось загадочное пощелкивание. Те, кто листал книжки Слободяника или Леона Чертока по технике шокового гипноза, сделали бы ряд замечаний в духе, что нынче 94-й год на дворе... Знакомый, гостивший у психиатра Балашова в больнице на Хохрякова, рассказывал, как слышал в наушниках точно такие же пощёлкивания, правда, перед этим Балашов предупреждал, что гипнотизировать ему неохота, пусть пациент слушает запись...

«Творчество» Пантелея являло собой удивительное смешение стилей. На сцене он пытался изобразить какие-то восточные танцы, впрочем, его неуклюжие телодвижения быстро прекратились, Пантелей ограничился лишь тем, что хватал порчу руками и отбрасывал позади себя. Заклинания перемежались со ссылками на Библию, ссылки на мантры и медитацию – с «новейшими достижениями науки и техники». После лечения Пантелей предложил «особо порченным» выйти из строя. На сцену поднялись трясущиеся женщины, потерявшие мужей, молодой парень, подёргивающаяся старуха. «Второй сеанс выходите, - предупредил удивление зрителей Пантелей, - я же говорил второй раз не выходить!». Ведущая продекламировала: «А у этой девушки особая порча, порча на еду. Она распространилась в последнее время, так как за 70 лет был утрачен обычай крестить пищу перед едой!» Складывалось впечатление, что большевиков не любят не только Зюганов с Ельциным, но и шаманы тоже.

В динамиках грохотали удары молотка по сковородке, толпа цепенела. «В настоящее время в России зарегистрировано 28 543 шамана, 5 729 знахарей, 999 колдунов и 16 домовых», - тихо, скороговоркой дал информацию сидящей рядом бабушке один из орлов наших, - 43,586% из них – жулики». Бабушка рядом, как в столбняке, произнесла: «И...изы-ы-ыди...» - и затихла. Медленно, будто шмоная, наш орел сунул ей в руку пару номеров «Рабочего вестника».

«У меня тоже порча! – нервно задвигался другой орел. – Я тоже хочу к Пантелею!» Его удержали. «Пустите меня, - ревился орел, - смотри, народ, какой я скрюченный!»

«А у нас завод простаивает», - донеслось из амфитеатра.

«На наше предприятие кто-то навёл порчу, - ревил мысль один из орлов. по фамилии Миняйло, - с декабря не выдают зарплату».

Из зала принесли записку. Пантелей начал читать: «В связи с отсутствием поставок... ничего не понимаю... количество производственных травм увеличилось на...». Тихо назревала гроза.

«Шпана какая-то собралась», - возмутился дядя, уже избавившийся от банки с компотом.

«Сколько можно, - начали роптать орлы, - мы будем сегодня заниматься делом или нет?»

«Собрание у нас, - пояснил дяде один из орлов, помещения нет – вот и воспользовались...»

Я не выдержал: «Ребята, больше не могу, уходим, душно!»

После краткого собрания на улице стоя - возвращался домой... Неподалеку от дома мне попался человек-легенда, всегда улыбающийся, не влезавший в широкие одежды Храпов, основавший в Перми школу культуризма. «Храпов!» И я начал нервно изливаться: «Грудь проломили контролёры подлые в автобусе за безбилетный проезд... Ну, мы тоже подшофе были... какие-то мошки завелись, мурашки... Соседка верхняя, старушка, от одиночества по ночам алюминиевой чайной ложкой по батарее, негромко... Когда её в психушку брали, она кричала (всё понимала!) «Отпустите меня, я больше не буду!» А теперь постукивает по полу, в пять, полшестого утра, ритмично, чтобы нельзя было привыкнуть, сначала громкие удары, чтобы проснулись, а потом уж вполсилы...». Храпов скроил добродушную ухмылку: «Ну, это минус какой-то на тебя подействовал. А ты – изолируй её!»

- «???»

«Изолируй, говорю, пирамидкой. Какой-какой, ну, Хеопса знаешь? Из проволоочки, пирамидку, и к люстре подвесь...»

Храпов был культуристом и на моей памяти имел трёх жён. Последовательно. При каждой жене держал двух любовниц, при этом жёны его не то, чтобы скучали, а – дымилась! «Ходят чёрт-те в чём! – возмущался он, придя в университет, - ведь меня после этого надо в душ, под холодную воду!». Храпов был удивительно хороший человек, настроение рядом с ним всегда поднималось. Хорошего человека всегда должно быть много, и, отстаивая этот тезис, масса храповых детишек бегало по просторам необъятной России, а может быть, и за её пределами. Дело в том, что Храпов тоже начал лечить и недавно вернулся с показательных лечений в Венгрии...

Дома я, как последний идиот, полез подвешивать к люстре проволоочный треугольник. Полшестого утра раздалась негромкие позвякивания алюминиевой ложечкой по батарее...

В том же самом зале ДК им. Ленина задолго до перестройки выступал знаменитый Вольф Мессинг. Сильный гипнотизёр, давая концерт, он не скрывал этого, не обрамлял мистической мишурой выступление. Мгновенно вычислял в зале людей, могущих помешать концерту и просил выйти. Если же во время концерта попадались люди с сильной волей, они помогали ему. Он действительно умел читать мысли и ясновидеть, об этом рассказывали на 50-летнем юбилее Мессинга чекист Пономаренко, первый встретивший его в СССР после перехода польско-советской границы в 1939 году. Мессинга знал Ханбеков, учившийся с Гагариным, наш

школьный учитель по труду и астрономии. А ещё есть на кафедре биофизики МГУ Симон Эльевич Шноль, ученик Тимофеева-Рессовского, чьи тридцатилетние эксперименты дают результаты, не укладывающиеся в рамки всей традиционной научной методологии... Беда только, что всё это легенды, эти легенды распространял КГБ, они и послужили всякого рода Пантелеям.

Телефонный звонок: «Ходи вечером осторожнее, - сказала мама, - на улице Куйбышева нашли человека с отрезанной головой».

Фантастика. Не с отрезанной, а с ножевой раной на шее...

Нет, мне совсем не смешны пожилые люди, ждущие помощи от разнообразных «целителей». Ненавидеть ложь, будь то христианская или марксистская, анархистская или наукообразная.

26 августа сего года у ДК им. Свердлова в Перми состоялся митинг аграриев. Одновременно с митингом в том же ДК проходила встреча с Верховным шаманом Чукотки – Бартоломеем. И только кретин не соединил эти два события в одну логическую цепь. А через месяц народная газета Прикамья «Звезда» дала рекламу о народном целителе России, обладающем уникальным даром ясновидения - Константине Вещем. «Уникальность методов его работы подтверждают дипломы международных академий, миссий, министерств здравоохранения разных стран. Во время сеансов люди избавляются от заболеваний сердечно-сосудистой системы, желудочно-кишечного тракта, опорно-двигательного аппарата, мочеполовой системы, а также органов дыхания... Купируется абстинентный синдром... парализованные начинают ходить!» и жирным шрифтом – «К.В. снимает порчи, сглазы, проклятия... Восстанавливает разрушенные семьи!»

Что-то все они - Верховные. Не поделили сферы влияния. Скоро начнется драчка между сыновьями лейтенанта Шмидта.

Сентябрь 1994, Пермь

ОБЛОМ (Ещё раз о троцкизме)

- На Новый год по нашей традиции, - сказала Маринка, - принято ходить в театр.

Маринка – племянница советского актера Подгорного, его фото, где Подгорный рядом со Сталиным, красуется в московской квартире его родственницы. Брат Подгорного слинял во Францию, родил Маринку и плохо кончил. Маринка хотела сдуру стать анархисткой, но ее уговорили удариться в троцкизм.

- Одна из моих тётъ, - сказала Маринка, - достала нам по благу два билета в Малый.

Одна из тётъ, актриса, из соседней комнаты сообщила: «Обрыв» Тургенева.

Я подумал, что в наших традициях – начать нажираться где-нибудь с трёх часов дня до трёх ночи, чтобы с утра на свежую голову набросать статью, начать новую жизнь и т.д. Это французы сидят всю ночь, смотрят отупело в телевизор, а в Совдепии – разве когда хоккей или Съезд Верховного Совета. Я сказал, что не Тургенев, а Гончаров, но больше не возражал и, проклиная французские традиции, отпетых революционеров из маринкиной Лют увриер («Рабочей борьбы») и всю Францию в целом, пополз в Малый.

Холодно. Перпендикулярно нашему движению роскошные иностранцы шли в автобус - ехать справлять свои духовные потребности в Большой театр. В Малом оказалось битком русских.

Укороченный рабочий день. Актёры чтят русские традиции. Из того места, где в Большом оркестровая яма, к рампе поднимался сигаретный дым. находка режиссёра: деревья растут с потолка, а кронами прибиваются к полу сцены. Бездонная режиссёрская мысль намекала на абсурд нашей экономики, откровенное безбожие (деревья обращены жопой к небу) и одно временно на нищенскую зарплату народных артистов, которым настолько обрыдло классическое движение растений из земли наверх, что они решили насрать на публику и хотя бы помечтать, как рождаются прямо в раю, так сказать, надклассово, мол, корни ихние, уж если не в раю, то т а м, и лишь изредка, на праздник, они одаряют низы, точнее – нет, нет, - точнее, кронами, думами своими они с Россией...

В центре сцены сидела пьяная Нифонтова (бабушка) и смотрела в зал так, будто ей не дали и уже не дадут закусить на протяжении всего спектакля. Вбежал Райский (фамилию артиста не помню), пьяный, но в чистом костюмчике, кинулся к Нифонтовой и заявил, что влюблён в бабушку. Я вздрогнул: сейчас споёт. Споёт «Сердце красавицы». Но в это время вбегают пьяные Николай Петрович и Марфинька, щебечут и убегают закусывать в лес, за сцену. Звучит выстрел. Голос зрителя сзади меня: «Убили её...». Нет, это ссыльный диссидент Марк Волохов подзывал выстрелами свою возлюбленную, прожжённую Вериньку.

Сцена в саду. Пьяные Николай Петрович и Марфинька объясняются в любви. Чистое, непорочное чувство молодых. Он приближает свои шепчущие на весь зал губы к её губам. Голос сзади: «Обманывает».

Далее режиссёр, следуя лучшим традициям советской театральной школы, рисует борьбу нового со старым. Дворянка Нифонтова, олицетворяющая Россию, которую мы потеряли, борется с номенклатурой – местным губернатором. Пьяный губернатор домогается и оскорбляет проституирующую даму, влюблённую в Райского. Столичный свободно мыслящий Райский вступает и наносит оскорбление губернатору, причём ссылается на показания Волохова. Номенклатура возмущена. Дворянка вступает за диссидента и свободно мыслящего, величественно указывая номенклатуре, кем та была при её отце. Номенклатура с проклятиями и угрозами пожаловаться, кому следует, убегает закусывать.

Невзорова бы сюда. Но тема аристократии выражена вяло, эпизодически, не вяжется с лейтмотивом сексуально отсталой России.

Вообще мне не везёт с театром. Особенно с балетом. Первый раз мы ходили смотреть «Жизель» с Лёхой Егоровым, ещё в студенчестве. С тем самым Егоровым, знаменитым, который однажды проснулся на куче угля в вагоне, мчавшемся неизвестно куда. Позднее Лёха закончит филфак, жена - из почтенной профессорской семьи Шкляевых «Она, классная сука, говорила мне что я стану дерьмом, а я женился на Шкляевой!» – говорил мне в подпитии Лёха. Сука – это Царева, наша классная в 9-й школе.

Далее Лёха покончит с попытками армейской карьеры, дальше – служба в трезвяке (однажды сграбастали одного мудилу – «Коммунист, коммунист!» - прыгал от радости долговязый Лёха), дальше – бесславная должность учителя русского языка и литературы в речном училище, полном гомосексов и воров. Должность вынужденная, после декларативного запоя на тему «увольте меня за пьянку!» уволили, оставив без копейки денег и казённого обмундирования. Так вот, с Лёхой мы, не жалея сил, прорывались на последнее в Перми выступление Нади Павловой.

Махмуд Эсамбаев, гастролировавший в Перми, говорил Наде: «Зачем тебе, дура, в Москву? Тебя сожрёт Плисецкая. Задушит молодая конъюнктура и заедят чиновники. Хочешь партийного искусства – езжай». И правильная девочка, член комитета комсомола, без лишних извилин в голове, дитя балета и одарённый ребёнок, Надя Павлова уехала. Кто теперь помнит её.

Сначала мы пытались зайти в лоб. Как все, через толпу жаждущих. Лёха кричал: «Нам только за пивом!» Затем пытались штурмовать через обычный для студентов ход – туалет. Но эти предусмотрительные стервы закрыли окна. Тогда мы обошли здание и залезли по пожарной лестнице, через второй этаж. Пройдя бухгалтерию, какие-то коридоры и закутки, мы вышли на сцену. Взяли два стула, смотрим, наслаждаемся. Подходит баба, служительница, говорит: «... .. ть!». А мы ей в ответ: «Играем народ, во втором акте убиваем царя».

Когда нас вышибли, мы столкнулись с двумя девицами, тоже без билетов. Взяли из коридора старинные стулья, унесли в закуток, предложили дамам, сами уселись на лестницу курить. «Это же настоящие б...ди!» - горячо шептал мне Лёха. Перед тем, как нас вышибли второй раз, мы успели выяснить, что Надя Павлова в этом спектакле (последнем) не участвует.

Второй раз на «Жизель» мы ходили с Серёгой Захаровым. Серёга закончил комитет комсомола на строительном факультете политехнического, но был в то время неглуп. Во всяком случае, пили мы вместе. Дальше он станет первым секретарём ленинского райисполкома комсомола, дальше – инструктор, дальше – член пермского обкома КПСС, дальше – после перестройки укатит в московскую аспирантуру – набираться ума. Потом губернатором будет Юра Трутнев, на котором уголовка по спиртозаводу, по «Экс-лимитед», по продаже вертолетов чеченским боевикам. Одним из вице-губернаторов при нем был Анатолий Аркадьевич Темкин, большой демократ. Серега смеялся: «В партию я его принимал Анатолием Ароновичем...»

«Жизель» давали 8-го марта. По случаю праздника вместо «Жизели» а сцене торжествовал чей-то ансамбль песни и пляски. Танцоры умахивали за сцену пить. Пьяным зрителям было всё равно, «Жизель» или ансамбль. Мы спустились в буфет, где давали превосходный сушняк. «За Жизель, за неё, проклятую!» - сказал Серёга. Дальше - в номера университетского общежития, куда я прошёл, как студент чего-то, а Серёга – как мой друг, за которого я поручился. Когда нас вышибли из общежития...

Но мы с Серёгой были последовательны. Третий раз вместо «Жизели» давали «Двенадцатую ночь» для глухонемых. На афише указывалось: ««Жизель». Театр пантомимы». Кто ж знал...

Из Пермского балета уехали Ченчикова, Даукаев, почти все. Последней слиняла красавица-алкоголичка Шляпина.

В нагрузку к билетам на балет всегда давали в нагрузку билеты на оперу. Опера производила впечатление. После какой-нибудь арии пара седых идиоток начинала бешено аплодировать, надеясь, что зал поддержит. Партер

вынужденно хлопал. В амфитеатре почти никого не было. Все знали, что артисты поют хорошо только там, где шабашат – в городском церковном хоре. Шел 1975 год.

Однако вернемся в Малый.

Режиссёр-новатор решил, что Веринька хочет обзавестись семьёй и склоняет Марка к содействию. Это претит заграничной свободе Марка. Борьба между чувством и долгом. Вериньку клинит на том, что уж если сошлись – то навсегда. Марку смешно. На сцене начинается обычная советская перебранка. Выясняется, что просто так переспать они не в состоянии. Молодая девица с претензиями на загадочность и повадками светской шлюхи, играющая Вериньку, пытается убедить зал, что соитие для неё равносильно разрушению колокольни Ивана Великого. Они стоят друг к дружке спиной. Внезапно, охваченный чувством, Марк оборачивается и дико смотрит на неё. Она отвечает тем же, и оба убегают за кулисы закусывать, а может ещё чего.

Заключительная сцена. Оказывается, бабушка Нифонтова тоже в молодости трахалась до свадьбы. Примирение. Веринька и Нифонтова в позе рабочего и колхозницы простирая руки, надсадно каются. Тема православия. «Прости, пресвятая Троица», - кричит Нифонтова. Голос сзади: «Нынче все кричат. Зарплата маленькая».

Зал рукоплещет. Встает. Артисты, держась за руки, чтобы не упасть, вместе идут по сцене к зрителям. Чуть впереди – Бабушка, рядом с ней – Красная Шапочка и Серый Волк. Пьяный голос Копеляна за сценой: «Вы смотрели спектакль, поставленный по мотивам пьесы Островского «Разгром». В спектакле использованы стихи Пастернака из цикла «Разрыв», музыка Арама Шнитке, а также материалы VI Съезда народных депутатов Российской Федерации. Вёл репортаж Николай Озеров. С Новым Годом вас, дорогие товарищи!»

1993, Москва

КОМПРАДОРСКАЯ БУРЖУАЗИЯ

В последнее время на страницах российской печати утвердился термин – «компрадорская буржуазия». Нет, ну, газово-нефтяная – да. Но прочая? В устах наших «коммунистов» и прочая – тоже компрадорская. Это означает, что наше подрастающее поколение эксплуататоров не занимается производством, а занимается перепродажей произведённого продукта. Желательно, за границу за доллары.

Мне кажется, термин подобран неудачно. Перепродажа (спекуляция) означает, что владелец денег покупает товар, а затем, накрутив процент себе в карман, продаёт по большей стоимости. Между тем наши эксплуататоры («наши»!) ничего не покупают – нет денег. Они продают. Поэтому буржуазия не компрадорская, а цыганская.

Стоит, например, цыган вблизи чужого частного дома, когда хозяева отлучились, и продаёт его за ящик водки. А потом у изумлённых хозяев – как это в психиатрии, катарсис? А, нет: ступор. Стресс.

В былые годы можно было продать свой труп. Примерно за сотню мединститут приобретал право на очищение почвы от скверны. Можно было нажать миллионное состояние, сдавая бутылки. В Москве, в застойные времена невозможно было допить бутылочку «Фанты», перед тобой уже стояло нечто и протягивало руку за тарой.

Рассказывают, в области, в Загарье, есть городок из картонок и ящиков, где живут нищие, как в том фильме, в котором советские артисты показывают, *что* они есть на самом деле. Только для режиссёра - сценарий капустника, а в Загарье всё реально, как броуновское движение, не поддающееся никакому детальному описанию. Правда, никаких еврейских музыкантов, «сыгравших что-то иностранное», там нет в помине. В городке жил мужик, ездивший побираться в Пермь. После чего приобрёл мерседес и посещал своих коллег в картонных жилищах (скоро и это приватизируют...). Одевался он в приличный костюм-тройку, однако было в нём что-то, из-за чего нищие принимали владельца мерседеса за своего.

В том же Загарье до сих пор здравствует козёл Фёдка, открывший задолго до Горбачёва малое предприятие при местной пивнушке. В отличие от нас, продающих сотнями «ИЛ»-ы и БТР-ы и не знающих даже, в каком городе их производят, Фёдка «покупал» чужую водку со знанием дела. Иной посредник носится по городу, телефон у него сутками не смолкает, то он профнастил продаёт из Хабаровска в Суксун, то подтяжки мужские из Гонконга в Нытву, а потом оказывается, ни подтяжек, ни профнастила – «воздух гонял», как выражаются профессионалы. Фёдка жил в чертополохе возле пивнушки, без телефона, но работал солидно. Каждый, кто выходил из пивнушки, обязан был отдавать процент с выпитого козлу. Козёл различал в чём выносят – в рюмке или в стакане и строго следил. Если посетитель процент не отдавал, Фёдка отпускал «чайника» метров на сто, затем разгонялся и повергал ударом рогов под зад. Если условный рефлекс не вырабатывался сразу, козёл урок повторял до победы.

Козлиный опыт с успехом переняли прибалты. Кооператив «Паневежис» собирает компрометирующие материалы по заветам Остапа Бендера и продаёт заинтересованным миллионерам. Впрочем, какие шутки! Деньги – дело исключительно серьёзное, не правда ли. Уральский Клондайк кретинизма – зона, где уважением

пользуются коммерсанты, зарабатывание денег считается делом, как после 1917-го бкелогвардейцы убивали и полагали, что заняты делом, и это было «исторически оправдано», их «труд» носил «общественно-значимый характер», т.е. была общественная потребность на продукт труда – трупы, и труд оплачивался мародерством и фунтами стерлингов.

Из Москвы в Пермь как-то везли компьютеры, впереди машина, сзади машина, в машине охрана. Остановили две милицейские машины, заходят, начинают выносить, парень сунулся - тут команда «двери закрывай», хлопбсь - верх черепа снесло, очнулся – гильзы, порохом пахнет, как на войне. Но мстить не стали – *дело* надо доводить до конца... (прощу прощения, свистнул у В. Аксёнова).

Коммерцией в Перми занимаются все. В Перми нет коммерсантов. Костяк составляют выпускники физического факультета университета (из простого народа), реже встречаются математики, ещё реже – химики. В последнее время доля физиков начала уменьшаться, доля химиков – расти. Есть одна отставная балерина под сорок, торгует КАМАЗами, вертолётами, лесом, жемчугом речным, сахаром, тушёнкой, консервированной рыбой, мебелью, швеллером, уголком любым, двутавровой балкой, сталью полууспокоенной, медью четыре девятки в чушках два вагона, спиртом в цистернах, жидкой ртутью «Меркурий два» четыре девятки плотность двадцать двадцать стибийум два о семь гидраргирум два по 240 тысяч баксов за кг наличкой конечных посредников отстреливают крышку не отвинчивать радиосигнал засекают спутником очевидно закупает Хусейн. А также скандием кристаллическим в инертном газе четыре девятки и СКМ-Д высокоочищенным сертификаты есть товар живой сам глядел 12 миллионов безнал за кг в деревянных Леша в чушках в бочках по миллиону за тонну факс тот же что и телефон, феррованадий неучтёнка циркониевый порошок мелкодисперсный совсем задёшево, ворованная платина, гафний, желье пищевая, трусы детские обязательно складскую справку четыре вагона, а также ядом гюрзы. Балерина ходит в замшевой шляпке и замшевом пальтишке. Раньше она работала в редакции областной газеты «Молодая гвардия», печатала на машинке и делала ошибки через слово, её любовник женат, а муж пытался укротить её характер баллончиком в лицо. Очевидно, после этого, звоня из незнакомой квартиры, она называет её «мой офис», попутную забегаловку «это моё кафе», а сауну – «моя сауна». Однажды эта парочка в содружестве с кампанией рэкетиров выгуливала меня, и я видел, как отдыхают денежные люди. Хуже, я принимал в этом участие.

Сауна на Липовой представляет собой утлую комнатку с двумя деревянными полками-ступенькой и тюремной решёткой, за которой под металлическим почерневшим отражателем разогреваются расколотые изоляторные кольца. Рядом с комнаткой утлый бассейн с водой цвета воды из под крана когда отключили воду. Старый деревянный стол для пива. Из батарей вода ржавая, а когда отключают воду, почему-то по струйке начинает бежать что-то среднее между канализационным стоком и водой после помывки автомашины. Впрочем, могло показаться.

В примыкающем здании – ночлежка, гостиница. Там между комнатами по утрам бегают бабы в нижнем белье, а ночью пьют водку и, как бы помягче – нет, это глагол в следующей строчке, словом, совершают соитие. Девочек набирают так: «Эй, кобыла, поехали совершать соитие» (приоткрыв дверцу такси). Постели – без простыней.

Десятком лет раньше баньки с обслуживающими проститутками предназначались для директоров спортклубов, заводов, деканов с ректорами, секретарей обкомов и др. приличной публики. Нынче простой народ из коммерции решил пожить так, как завещали старшие господа.

Компрадорская буржуазия снимает комнаты в гостинице «Урал», а её адепты расположились в киосках вокруг городских площадей. Обыватель, проходя мимо, пялит глаза на дорогой дефицит, а дома на кухне рассказывает, как бы он всех перестрелял из автомата Калашникова. (Буржуазии и здесь легче: она, не стесняясь, торгует оружием.)

Генерал Макашов ненавидит кооператоров, и коммерсантов. «Они же ничего не производят, а только перепродают, да накручивают цену». Демократы ненавидят бывших «коммунистов», перешедших в коммерцию. Как в 30-е: «поражение в правах», всем можно, а им нельзя. Демократы строго следят, как перераспределяются председателем областного Совета Быстрянцевым «девятки» и «Волги» (хотят получить процент). Брошенные на произвол судьбы младшие «коммунистические» чины следят за свеженькими буржуйчиками, что окопались под вывесками разнообразных благотворительных фондов. И те, и другие – последовательны, первые как охотились, так и охотятся за «коммунистической» мелочью, которая не играла и не играет в экономике никакой роли. Вторые как не замечали раньше крупных благотворительных китов, типа «Фонда Чернобыля» или Советфонда, так и не замечают.

Завтра все их обделанные штаны исчезнут в водовороте постперестройки...

ДЖОКОНДА

Бесстыдная хищница, плотоядный взгляд – в таком духе рассуждал о ней Барг. Вполне отвечающая Леонардо, чьими стараниями в науку, искусство, мировоззрение входила практика, как критерий. Как учит нас Бердяев, а до него ещё Гумбольдт, искусство, любовь, смерть – иной души, не практически производственной, они, насколько возможно, не обобществлены. Важно именно отклонения от среднего, отнюдь не естественнонаучный закон, отбрасывающий индивидуальное, как артефакт, если и здесь практика – критерий, то единственным её продуктом может быть лишь индуктивный вывод из ряда эмпирических данных о том, что бабы – дуры, а мужики – сволочи.

Подобно Струйской, чей взгляд с высоты портрета ищет душу, Джоконда выбирает свою жертву в адекватной себе прогрессивно-буржуазной среде и приговаривает при этом: «Жизнь! Хотение до страсти, до уродства, мощный ход, ломающий, отметающий всё слабое, все артефакты, даже если они таковыми себя не считают. И это нравственно, потому что сильно. Не созерцательная смерть, смерть действенная, органичная хотению!».

Джоконда – пинок христианству. Слабый безнравственен, какими бы он не обрамлял себя поступками: воздержанием или декларациями, эти поступки никто не приобретёт, напротив, продадут из-за мелочи. Уродство слабого бесцветно и бесцветно. Жалость не существует отдельно, как иное, она требует прочной материальной базы, она есть лишь подаяние, но подающий должен быть уверен в собственной безопасности. Достоевский, Гроссман – через полтысячелетия не уловили этой стремительности нашествия обывателей, а уж близко время, когда, как обычно, стенка на стенку, и нищий пойдёт грабить нищего, независимо от воспитания, пола и профессии.

Пинок христианству отвесили Маркс и Ницше. И Пастернак углядел в силе нравственность. Когда же рабочее движение обессилело (так называемые социально-структурные изменения) и приняло вполне тред-юнионистскую форму, Маркс получил, в мире ином, то, с критики чего начинал сам – «Философия нищих». «Философия слабых – всё поделить». Именно это приписали нищие духом Марксу.

Неординарная личность, выдающаяся среди обобществлённой тупости всяких там Либкнехтов, Вейтлингов и прочее...

«Спасибо вам, вы хорошо горели». Да здравствует прекрасное в многообразии горения, всё вобравшее, и зло, и добро, и смерть добра делает добрым зло. Вспыхнувшая спичка гасит горевшую рядом.

Красота – враньё, лишнее. Сотри случайные черты, и станет скучно. Прирученная неряшливость есть совершенство. Точная, объективная русская оценка действительности – гибель для красоты, по определению, неповторимого, а значит, и для источника движения. Да, конечно, движет противоречие. Но что, спрашивает Вяккереев, движет от различия к противоположности, а от неё – к противоречию? Вот что за холод тайный, когда огонь кипит в груди. Гибельность для жизни, где «дело идёт о жизни, а не о каком-либо результате её», пронзительно точной литературно-философской оценки происходящего нарисовал Чехов – в «Иванове», Гоголь – самое смешное, в «Женитьбе». Розанов не постеснялся умилиться смерти – насколько бездонно русские понимают, с полувзгляда, бессловесно. На самом деле жизнь, то есть развитие – только то, что за кадром. Наличное в момент пресловутого агитационного выбора не может быть сущим, иначе тождество «за» и «против» сделает любой случайный выбор бессмысленным.

Вокруг всё дышит философией объективных, не зависящих от сознания, законов. Однако, объективный закон – не только существенная для данного ряда событий связь. Не менее существенно и в том ряде событий и уничтожение всевозможных незаконных реализаций. Неужели их удел – возникать только в голове? У Достоевского возникли «Бесы», для той поры ещё – несущественные, незаконные. Оказалось – Достоевский просто неадекватно описал стачку на Невской бумагопрядильной, в голове у него засел ничтожный образ Нечаева...

«В обществе действуют законы, независимые от индивидуального сознания». Иного и быть не могло, да и верно, с одной стороны. Переложит бессилие на бога, или на плечи объективных законов, собственную грязь оправдать законами рынка, а рынок вывести из собственной грязи, и оставить эту грязь в покое, как материальную базу для жалости, для подаяния с барского стола. И возможно когда-нибудь в будущем, для какой-то любви и красоты.

Что там должно победить, чтобы на миг победы возникло прекрасное – добро или зло? Или всё равно? Что нам в принципе могут дать при выборе какие-то объективные законы, если мы знаем, что существуют по меньшей мере два пути развития, скажем, азиатский и античный? И Плеханов в «Монистическом взгляде на историю» отмечал... И Лабриола... И Ильенков... Если следовать логике объективных общественных законов, личность

при развёртывании объективного закона – либо в струе, либо отбрасывается: лес рубят, щепки летят. Следуя этой логике, личность, желает она этого или нет, независимо от сознания, отдана на съедение усреднённым общественным связям, вроде закона стоимости. Разумеется, закон существует только благодаря отклонениям от него, через отклонения, но ведь важен не столько закон, сколько сами отклонения, то есть, закон случая. Хотя и марксова мысль верна, с одной стороны – должно же возникнуть системное в стае, то, что отличает стаю от простого набора её представителей. Но что отличает человечесью стаю, в среднем? Совместный труд?

Материя мыслит через человека – общество мыслит через человека – ноосфера (как ныне модно говорить чепуху) мыслит через человека (Спиноза – Маркс – Вернадский). Но здесь подчёркнута лишь одна сторона чего-то более общего в особенном отношении у миру в целом. Нельзя же человека сводить только к общественным отношениям, игнорируя внеобщественные. В науке, - высказывался Маркс, - нет ничего, кроме её практического применения. А Кавендиша общество не интересовало. Вообще. Он открыл закон Кулона и никому не рассказал, просто не захотел. Потом Кулон открыл то, что до него сделал Пристли, Кавендиш. Ещё хуже обошлись с «конкретной совокупностью» Стругацкие, слизавшие у Махатм: смысл жизни в познании мира, и счастье в том же. Но у Махатм – ещё и в изменении мира. Вот с этого пункта и начинает звучать буржуазная музыка обобществления. Хочешь изменить – соразмерь силы и объединись. Следовательно, подчинись, если выясняешь отношения с миром за счёт ближнего своего. Обобществление производства в смысле разделения труда – логическая смерть индивидуальности, завершение развития частной собственности от мелкой до олигополии: всеобщей частной собственности. Конкуренция, как переходная форма, также гибнет, ещё в монополии. Патриотизм заменяется на рыночное противостояние. За счёт патриотизма выживает личность, желающая отличить себя не от мира в целом, не от общества, а от другой усредненной личности в форме нации. То есть, исторически личность вначале действительно возникает как конкурентная совокупность общественных отношений – внешнее определяет.

Творчество, здесь заканчивается старый марксизм. Потому что продукт труда – не только и не столько в меновой или потребительной формах стоимости, не только внутриобщественен. Это – надежда, что Джоконда убьёт себя. Так я думал, пока не увидел мурло интеллигенции...

16.12.1989, Ярославль